

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

ОСОВНЯК УБИЙЦА

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.

С91 **Особняк убийцы / Евгений Сухов. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с. — (Записки придворного сыщика).**

ISBN 978-5-04-210613-2

Декабрь 1902 года. В собственном доме в Хамовниках жестоко убиты жена и старшая дочь известного австрийского пивовара. Младшую дочь, получившую ранение, успели доставить в больницу. Здесь же, на кухне, нашлось и орудие преступления — окровавленный колун. Подозрение полиции падает на человека, который первым обнаружил тела и, возможно, знал о хранившихся в тайнике наличных банкнотах, которые исчезли. Однако прямых улик против подозреваемого в ходе следствия не оказалось. Дело пришлось приостановить... Спустя год судебный следователь Иван Воловцов выявил неизвестные ранее обстоятельства происшествия. Это заставило успокоившееся было общество с новой силой пережить эту трагедию...

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-210613-2

© Сухов Е., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

**МАНИКАЛЬНЫЙ ДВОРНИК,
или НОВОЕ «ДЕЛО» ИВАНА ФЕДОРОВИЧА ВОЛОВЦОВА**

Иван Федорович почесал пятерней про-
бывающуюся проплешину и крепко за-
думался. Карьера в России — вещь зачастую
непредсказуемая и замысловатая. Можно лет
семь добираться от коллежского регистрато-
ра до губернского секретаря, а можно года за
четыре вырасти от титулярного советника до
коллежского.

А что такое коллежский советник?

Во-первых — это уже «его высокоблагоро-
дие».

Во-вторых — два просвета в петлицах.

Ну а в-третьих — не за горами маячившая
должность прокурора статской коллегии.

Словом, коллежскому советнику Ивану
Федоровичу Воловцову, судебному следова-
телю по наиважнейшим делам, уже два года
как служившему в Департаменте уголовных
дел Московской судебной палаты, жаловать-
ся на судьбу было грех. Впрочем, перевод его
из Рязани в Первопрестольную был вполне

заслуженным: несколько раскрытых громких дел, прогремевших на всю Российскую империю, и орден Святого Станислава третьей степени, полученный из рук самого генерал-губернатора, красноречиво свидетельствовали об его таланте сыщика. За состоявшимся переводом в девятьсот первом году последовало назначение чина коллежского советника, что, несомненно, вызывало уважение его нынешних сослуживцев. А ему новое положение давало возможность вести себя в следственном деле весьма независимо, не оглядываясь на расположение и волю высокого начальства. Жалованье в семьсот пятьдесят рублей плюс казенная квартира в Кавалерском корпусе, где проживали сенатские и судебные чиновники, тоже было весьма нехудо.

Иван Федорович только что закончил следствие по делу «маниака» Нурмухаметова, дворника и привратника днем и душеителя и насильника — ночью. Как впоследствии оказалось, Габдрахман Нурмухаметов страдал тяжелой бессонницей и после двухмесячного бодрствования и дремы урывками по часу-полтора стал поначалу галлюцинировать и заговариваться, а потом как-то замкнулся в себе и, очевидно, тронулся рассудком. По крайней мере, трудно было объяснить здравым смыслом его преступные деяния. Ночью Нурмухаметов заходил в какой-нибудь

притон, покупал самую что ни на есть заваливающую блудницу за пятиалтынный или двугривенный, раздевал донага, избивал и, засунув в рот кляп из тряпок и ветоши, насиловал. Именно насиловал, неистово и немилосердно, хотя, заплатив деньги, мог просто реализовать свое «законное» право на получение телесного удовольствия. После подобных действий Габдрахман Нурмухаметов душил несчастную и разбивал ей лицо молотком, который постоянно носил в специально пошитом внутреннем кармане чекменя.

Бывало, что «маниак» пребывал в ином настроении, а может, просто не имел должных денег, в этом случае он поджидал свою жертву близ какого-нибудь притона в арке или в проходном дворе, чаще всего неосвещенном, куда любят заглядывать падшие женщины или прячутся от преследования «марухи» и воровки разных мастей, и очень терпеливо, удавом, вышедшим на охоту, ждал своего часа. А потом стремительно набрасывался на жертву, оглушал ее молотком и совершал гнусное дело...

Так Габдрахман Нурмухаметов лишил жизни, истерзав до неузнаваемости, от двенадцати до пятнадцати проституток и девиц легкого поведения (точного числа жертв так и не удалось установить), а также купеческую дочку Настасью Крашенинникову с ее гувернанткой

Софьей Ступициной, которые возвращались ночью домой на извозчике после затянувшейся вечеринки. Еще на совести бывшего дворника была смерть довольно известной поэтки-эгоэстетки Аделаиды Казимировны Герцингер, нанюхавшейся германского марафету из аптеки братьев Штуцер и заблудившейся потом в московских тупичках и переулках. И хотя лица Крашенинниковой и Ступициной представляли сплошь кровавое месиво, они были узнаны несчастными родителями Насти Крашенинниковой и близким другом Софьи Ступициной, держателем атлетического клуба «Геркулес» Федором Коноваловым-Быковским, по одежде. Аделаиду Герцингер же, несмотря на то, что ее голова не имела ни единой целой косточки, признали по родимому пятну в виде сердечка на левой ягодице поэты-символисты Константин Бальмонт и Валерий Брюсов.

Следует заметить, что именно привычка «маниака» разбивать молотком лица своих жертв до неузнаваемости и послужила возможностью для обвинителя суда Нестора Ивановича Кусакина настаивать на вменяемости Нурмухаметова. Ибо зачем разбивать жертве лицо? Чтобы ее не удалось потом установить. А стало быть, не дать возможности розыску выйти на него, Нурмухаметова. Однако присяжные заседатели все же единогласно при-

знали Габдрахмана Нурмухаметова душевно-больным, о чем и объявил суду их старшина. В головах присяжных просто не укладывалась столь необъяснимая и ничем особым не вызванная жестокость маниакального дворника. И его дело постановлением суда, к большому неудовольствию общественности, было передано в судебную палату «для обращения его к расследованию по вопросу о состоянии умственных способностей подсудимого во время совершения преступлений».

Ведение расследования вменили в обязанность судебному следователю Широбокову, а Ивану Федоровичу было поручено довести до конца дело о двойном убийстве в Хамовниках — жены и старшей дочери главного пивовара хамовнического пиво-медоваренного завода, австрийского подданного Алоизия Осиповича Кары — и нанесении тяжких телесных повреждений его младшей дочери, повлекших за собой телесный паралич и полную невменяемость. Воловцов помнил это дело, год назад наделавшее столько шума в Москве. Убийца найден не был, дело легло на полку нераскрытых преступлений, но Алоизий Кара не успокоился и подал прошение на имя Государя Императора о защите интересов и прав иностранного подданного. Император поддержал несчастного вдовца, потерявшего практически еще и вторую дочь, и обратился

в Сенат с просьбой провести новое следствие. Губернской прокуратуре ничего не оставалось делать, как только взять под козырек и приступить к исполнению государева указания. Новое расследование немедленно получило статус «наиважнейшего» и было поручено московским окружным прокурором, статским генералом Завадским, Ивану Федоровичу Воловцову, с предоставлением ему самых широких полномочий. Все бумаги по этому делу, составляющие две толстенные папки, были ему немедля выданы, и Воловцов тотчас приступил к ознакомлению с этим крайне запутанным делом...

Суть дела была следующей...

Пятнадцатого декабря прошлого года, в субботу, после того как напольные часы в квартире доктора Бородулина пробили половину девятого вечера, его прислуга Наталья Шевлакова проводила наконец крестьянина Власа Архимандритова, девяноста восьми лет от роду, сорок минут просидевшего у доктора с жалобами на свои стариковские болячки. Она спустилась с ним со второго этажа, где квартировал доктор, в общие сени, пожелала старику здравствовать столько же лет, сколько он прожил, на что Влас Архимандритов лишь сдержанно ответил: «Благодарствуйте». Раскрыла перед ним парадные двери, которые до

этого были не заперты, и, слегка подтолкнув старика к выходу, заперла за ним двери на крюк. Облегченно выдохнув — ибо старикан Влас уже замучил своими частыми приходами и доктора, и прислугу, — Наталья Шевлакова поднялась в квартиру, заперла дверь передней и направилась в кухню. В это время она и услышала топот в общих сенях. Затем хлопнула парадная дверь, и через несколько мгновений кто-то бегом стал подниматься к ним. Потом раздался нетерпеливый звонок, и когда она открыла входную дверь, то увидела Александра Кару, младшего сына Алоизия Осиповича, который снимал квартиру этажом ниже. Александр был страшно взволнован, губы его дрожали, и он едва смог произнести:

— Доктора!

— Что случилось? — спросила Шевлакова, крайне пораженная бледностью лица соседа, но тот ничего не ответил, грубо (как показалось прислуге) оттолкнул ее и бросился в комнаты. Завидев доктора, сидевшего на диване с газетой в руках, он воскликнул:

— Убили... Убили! — а потом схватил доктора за руку и силой потащил за собой.

Бородулин едва успел захватить докторский саквояж из передней, настолько сильно тащил его Александр Кара. Спускаясь по ступеням второго этажа, он попытался возмутиться подобным обращением с ним молодого чело-

века, годящегося ему по возрасту в сыновья, однако, когда они ступили в квартиру Кары, возмущение доктора сменилось оторопью и неподдельным ужасом: мать Александра и его сестра Марта были зверски убиты. Младшая сестра Ядвига, семи лет от роду, еще подавала слабые признаки жизни, и ей надлежало немедленно оказать первую помощь или хотя бы остановить фонтанирующую кровь.

Немедленно была вызвана полиция, и явившийся через четверть часа помощник пристава Яков Холмогоров составил протокол происшествия. Согласно протоколу в квартире главного пивовара хамовнического завода, австрийского подданного Алоизия Осиповича Кары, что составляла одиннадцать комнат и находилась в доме мещанки Стрельцовой на углу Хамовнического и Божениновского переулков, были обнаружены два трупа и девочка семи лет со слабыми признаками жизни.

Первый труп принадлежал супруге Алоизия Осиповича Юлии Карловне, матери Александра Кары. Она лежала ничком в столовой головой к двери в растекающейся луже крови.

Ужасающее зрелище представлял труп дочери Алоизия Осиповича Марты, восемнадцати лет от роду. Тело Марты находилось в комнате в дальнем конце квартиры. Она сидела на табурете за пианино. Туловище было запрокинуто назад, разбитая голова, свисая,

касалась пола, и под ней тоже была багряная лужа, в которой плавали вытекшие мозги. Позади нее, головой к двери, лежала младшая дочь Кары Ядвига. Последняя, так и не пришедшая в сознание после оказания помощи доктором Бородулиным и вызванным ему на подмогу профессором медицинских наук доктором Прибытковым, была отправлена в карете «Скорой помощи» в университетскую клинику для проведения немедленной операции.

Согласно актам судебно-медицинской экспертизы и вскрытия, проведенного по случаю столь ужасного преступления в самые кратчайшие сроки, было установлено, что супруга Алоизия Осиповича Юлия Карловна и его дочь Марта убиты вследствие нанесения им ударов топором или подобным ему тяжелым предметом. Юлия Карловна Кара скончалась от четырех ударов, два из которых были нанесены по темени и еще два — по левой стороне головы, отчего случились двойной пролом черепа и перелом его основания. Марте Каре было нанесено пять ударов тем же предметом, причем два пришлись по темени и проломили череп, еще два — по нижней челюсти, и один — по животу. Маленькой же Ядвиге преступник нанес всего два удара — по затылку и темени, в результате чего был проломлен череп и частично задет мозг. Предполагаемое орудие

столь ужасного преступления — окровавленный колун — был найден на кухне возле стола.

В спальне четы Кара, где хранилось семейное добро, прямо на полу возле входа валялись два кредитных билета достоинством в пятьсот и сто рублей.

Сундучок возле стены, стоявший на коврике, был открыт. Наружная часть замка имела царапины, однако механизм замка испорчен не был: либо преступник открыл его отмычкой, либо замок сундучка и вовсе не был заперт и царапины на нем случились ранее, еще до печального события. В сундучке хранились золотые и серебряные вещи, а в особой деревянной коробочке — деньги, в сумме одна тысяча триста пятьдесят рублей. Причем два кредитных билета были по пятьсот рублей, три — достоинством в сто рублей, и одна кредитка — в пятьдесят целковых. Коробочка валялась неподалеку и была пуста. Как выяснилось позже, все драгоценные вещи и изделия, равно как и холщовый мешочек черного цвета с закладными листами Московского Земельного банка и кожаный портфель с разными документами, оказались нетронутыми. Пропали только наличные банкноты, хранившиеся в коробочке, а именно семьсот пятьдесят рублей, поскольку из хранившихся в коробочке кредитных билетов на сумму одна тысяча триста пятьдесят рублей две кредитки — в пятьсот и сто рублей,

что лежали у входа в спальню, — были именно из нее. Очевидно, преступник страшно торопился, или его спугнул побежавший на крики несчастных жертв Александр Кара. Скорее всего, судя по протоколу допроса самого Александра Кары, именно так все и происходило. Только вот допросить его удалось не сразу. Кар все время срывался с места и выбегал то в столовую, то в комнату Марты, где доктор Бородулин и профессор Прибытков оказывали раненой Ядвиге посильную помощь. Один раз помощник пристава Холмогоров услышал, как Александр что-то бормочет под нос, и даже различил слова:

— Жива... Все еще жива...

И вообще, душевное здоровье Александра Кары внушало серьезное опасение, что и заметил помощник пристава Холмогоров. О своих опасениях он немедленно сказал доктору Бородулину. Тот в ответ лишь сдержанно кивнул и, оторвавшись от хрипло дышащей Ядвиги, сунул в руку Холмогорова какой-то порошок, завернутый в бумажку.

— Разведите этот порошок в стакане воды и заставьте его тотчас выпить, — произнес доктор и снова занялся вместе с Прибытковым несчастной Ядвигой. — А еще через полчаса, но никак не ранее, — не оборачиваясь к помощнику пристава, добавил он, — вы сможете его допросить...

Иван Федорович Воловцов внимательно принялся изучать предоставленное дело.

Из протокола допроса Александра Кара вечером 15 декабря 1902 года:

«ХОЛМОГОРОВ: Расскажите, пожалуйста, как вы провели сегодняшний день.

КАРА: Весь день? С самого утра?

ХОЛМОГОРОВ: Да, с самого утра.

КАРА: Я, как всегда, встал рано, вместе с отцом. Напившись с ним чаю, мы отправились на завод. Отец обучал меня пивоваренному делу и видел во мне наследника своего дела...

ХОЛМОГОРОВ: Вы ведь не единственный сын Алоизия Осиповича, причем младший, верно?

КАРА: Понимаю ваш вопрос... Да, верно. У нас большая семья. Кроме сестер (долго молчит, похоже, едва сдерживая рыдания и слезы), у меня еще два брата: Юлий и Иосиф, оба старше меня.

ХОЛМОГОРОВ: Тогда почему именно вас ваш батюшка видел в своих преемниках?

КАРА: Почему меня? Потому что для братьев он оставил во владение пивоваренный завод в Саратове. Они в данное время там и находятся...

ХОЛМОГОРОВ: Хорошо. Продолжайте...

КАРА: После пребывания с отцом на заводе я отправился на Лубянку... Да, в двенад-

цать часов мы вместе с ним отобедали, и потом я отправился на Лубянку, где беру уроки ведения бухгалтерии на специальных курсах.

ХОЛМОГОРОВ: Курсы платные?

КАРА: Да.

ХОЛМОГОРОВ: А кто их оплачивает?

КАРА: Отец.

ХОЛМОГОРОВ: А что за письмо вы получили утром, еще до ухода с Алоизием Осиповичем на завод?

КАРА (вспыхнув): Это письмо было от моей девушки...

ХОЛМОГОРОВ: Вашей? Вы помолвлены?

КАРА: Н-нет. Но это пока, поскольку год назад мной было сделано предложение и получено согласие как от нее самой, так и от ее матери. При условии, что я устрою свое положение и получу полное согласие от своих родителей.

ХОЛМОГОРОВ: Как зовут вашу девушку?

КАРА: Смирнова. Смирнова Клавдия Матвеевна.

ХОЛМОГОРОВ: Простите, но не могли бы вы в двух словах рассказать о содержании полученного письма?

КАРА: Это обязательно?

ХОЛМОГОРОВ: Это желательно.

КАРА: Хорошо. Клавдия Матвеевна сообщила мне, что завтра уезжает из Москвы и просит вечером зайти к ней...

ХОЛМОГОРОВ: Прошу прощения, а куда уезжала ваша невеста?

КАРА: В Боровск...

ХОЛМОГОРОВ: С какой целью?

КАРА (хмурится): Неужели это важно?

ХОЛМОГОРОВ. Важно все...

КАРА. Цель ее поездки мне неизвестна.

ХОЛМОГОРОВ: Что ж, благодарю вас. Продолжайте о том, что вы делали далее в течение сего дня.

КАРА (с некоторым воодушевлением): По окончании занятий на курсах я направился в магазин господина Хлебникова, чтобы купить подарок Клавдии Матвеевне. Потом взял извозчика и поехал к портному, господину Цыпленкову. Там я увидел понравившийся мне смокинг и велел немного переделать его под себя к вечеру. В шесть часов пополудни я вернулся домой, и мы все вместе поужинали. Как оказалось, это был... последний наш... совместный ужин... (Некоторое молчание.) В начале восьмого я поехал к Цыпленкову, чтобы забрать смокинг и еще жилет к нему. К этому времени отец уже уехал на свои субботние собрания чешского землячества. Он всегда ездит по субботам на эти собрания...

ХОЛМОГОРОВ: А когда возвращается?

КАРА: Где-то в час пополудни.

ХОЛМОГОРОВ: Хорошо, продолжайте...

КАРА: В начале девятого я вернулся домой со смокингом и жилетом и стал готовиться к визиту...

ХОЛМОГОРОВ: А что за подарок вы купили своей девушке, позвольте полюбопытствовать?

КАРА: Колечко...

ХОЛМОГОРОВ: Золотое небось?

КАРА (смущенно): Да, золотое... С камушком.

ХОЛМОГОРОВ: Ясно. Любимому человеку ничего не жалко, факт. Верно, немалые расходы понесли: колечко, смокинг, жилет... Вы ведь покудова нигде не служите, как я полагаю?

КАРА: Не служу. Но у меня весьма состоятельный отец, и он не стесняет меня в средствах...

ХОЛМОГОРОВ: Я понимаю... А скажите, дверь парадной, когда вы возвращались от портного, была открыта или заперта?

КАРА: Заперта. Мне открыл Василий Титов.

ХОЛМОГОРОВ: Это слуга вашего отца?

КАРА. Скорее слуга всей семьи.

ХОЛМОГОРОВ: А дальше, что происходило дальше?

КАРА: Дальше я вспомнил, что надо бы, помимо подарка, купить для Клавдии Матве-

евны конфекты. Она очень любит карамельки, и я послал Титова за ними.

ХОЛМОГОРОВ: Куда, позвольте полюбопытствовать?

КАРА: В магазин Карцева, что на углу Долгого переулка.

ХОЛМОГОРОВ: Дальше, пожалуйста...

КАРА: Потом я отослал домой девочку Настю, что живет во дворе дома и приходит играть к Ядвиге.

ХОЛМОГОРОВ: Зачем?

КАРА: Было уже поздно. К тому же после шумных игр под вечер Ядвига плохо спит и часто плачет во сне.

ХОЛМОГОРОВ (с участием): Вы очень любите Ядвигу?

КАРА (сдавленным голосом): Очень. И матушку, и Марту я тоже очень... любил...

ХОЛМОГОРОВ: Скажите, вы отправили девочку Настю через парадную дверь дома?

КАРА: Нет. Она живет во дворе дома, и ей удобнее через черный ход. К нему я ее и проводил.

ХОЛМОГОРОВ: Вы его закрыли за ней?

КАРА: Да, закрыл на щеколду.

ХОЛМОГОРОВ: А парадный вход после ухода вашего слуги так и остался открытым?

КАРА: Наверное.

ХОЛМОГОРОВ: Вы ведь его не провожали до входа?